

Г. Н. КАНИНСКАЯ

РУССКОЕ ПРОШЛОЕ ОДНОГО ЛЕВОГО ГОЛЛИСТА ЛЕО АМОН (1908–1993)

О взаимоотношениях России и Франции в разные периоды истории написано немало. Однако это исследовательское поле отнюдь не исчерпано, в частности в том, что касается взаимопереплетения семейных судеб. В личной памяти, семейных архивах порой обнаруживаются до сих пор мало известные или совсем неизвестные факты, которые подчас самым неожиданным образом вписываются в историю советско-французских отношений, по-своему дополняя и обогащая наши представления об «особой их чувствительности». Семейная история Лео Амона служит тому наглядным примером и представляет интерес с точки зрения такого актуального направления современного исторического знания, как частная или повседневная история.

Ключевые слова: социалистические идеалы, исторический голлизм, левый голлизм, самоидентификация, патриотизм, советско-французские отношения, межкультурный диалог

Один из ближайших соратников Шарля де Голля по Сопrotивлению, партийно-политической борьбе и бессменный министр в его правительствах времён Пятой республики Анри Мальро однажды сказал, что в голлизме, как в вагоне метро, можно встретить кого угодно. Смысл этого высказывания сводится к тому, что в рядах голлистов оказались выразители как правых, так и левых взглядов. За последними прочно закрепилось определение «левые голлисты», а к их признанным лидерам неизменно относят Рене Капитана, Луи Валлона и Лео Амона¹. В программных выступлениях генерала де Голля левых голлистов особенно привлекала идея «ассоциации труда и капитала», которую они считали неотъемлемым условием обновления французской демократии на принципах социальной справедливости и солидарности.

Так как все трое – Р. Капитан, Л. Валлон и Л. Амон – одними из первых откликнулись на призывы де Голля к Сопrotивлению, они по праву причисляются к поколению «исторических» голлистов, за которыми в политическом лексиконе закрепилось ещё название «бароны» голлизма². Однако если их кумир и «спаситель французской нации» де

¹ Подробнее о левых голлистах см., напр.: Sigoda 1983; Charbonnel 1996; Черкасов 1978; Новиков 1984.

² «Историческими» голлистами, или «баронами» голлизма в научной литературе принято называть тех соратников генерала де Голля, которые присоединились к нему со времён движения Сопrotивления в годы Второй мировой войны и оставались преданными ему на протяжении всей его дальнейшей политической карьеры. Подробнее о тенденциях и классификации голлистов см. статью одного из маститых французских специалистов по истории XX в. С. Берштейна (Dictionnaire De Gaulle. P. 550-552), а также: Berstein 1999; Арзаканян 1990; 2001.

Голль в межвоенный период определённо сформировался как выразитель правых взглядов и слыл консерватором³, то политическая биография Валлона, Капитана и Амона складывалась под левыми знамёнами, в стане либералов-реформистов. Первый вышел из рядов социалистической партии (СФИО). Второй – сын известного профессора-юриста, специалиста с мировым именем по гражданскому праву – зарекомендовал себя ярым антифашистом и сторонником левоцентристского правительства Народного фронта с начала 1930-х гг. Судьба третьего, который с 1930 г. работал адвокатом и неоднократно защищал в судах интересы близкого к компартии (ФКП) профсоюза ВКТ и возглавляемых коммунистами муниципалитетов, оказалась связанной с Советским Союзом, образно говоря, «родственными узами».

Между тем, до выхода в свет в 1991 г. мемуаров самого Лео Амона⁴ в литературе по истории голлизма и голлистов о его русских корнях не упоминалось. В интервью автору этой статьи 7 октября 2013 г. один из наиболее авторитетных в России специалистов по истории Франции, проработавший долгое время в Посольстве СССР в Париже, Ю.И. Рубинский говорил, что «в Советском Союзе людей, которые связаны по происхождению с прежней Россией, конечно, как-то старались использовать, когда они занимали какую-то позитивную позицию по отношению к нашей стране, но в то же время раскапывать особенно – это не поощрялось: неизвестно, что можно было там найти» [архив автора].

Что же связывало по происхождению Лео Амона с нашей страной и что можно было найти в этой связи?

Обратимся в первую очередь к мемуарам самого Амона, из которых узнаём, что в действительности он по рождению – Леон Яковлевич Гольденберг, а родители его – Яков Рафаилович (1876–1935) и Софья Ароновна (1881–1949, урождённая Слоним) Гольденберги – политические эмигранты из Российской империи, большие друзья Розы Люксембург. Преследуемые, как и она, после подавления революции 1905 г. в России, Гольденберги эмигрировали не в Германию, как их подруга, а во Францию, потому что для них, пишет Лео Амон: «Эта страна олицетворяла победу и революции, и Республики, и прав человека»⁵. Со слов матери, он сообщает о том, что в 1905 г. кабинет его отца, работавшего в то время в Варшаве врачом, часто превращался в госпиталь для раненых, где работала и Софья Ароновна, и что, когда она вспоминала об этих «героических днях, на её глаза наворачивались слёзы»⁶.

Рассуждая о мировоззрении родителей, Лео Амон подчёркивает: «Для обоих социализм был необходимостью Истории. Маркс... был для

³ Подробнее см. об этом: Арзаканян 2007; 2012.

⁴ Hamon 1991.

⁵ Hamon 1991. P. 13.

⁶ Ibid. P. 14.

них воплощением разума и справедливости, логическим продолжателем идеалов Просвещения и гуманизма... Я был воспитан в атмосфере этой преданности и в то же время скромности». Подчёркивая близость взглядов родителей с большевиками, он в то же время отмечает, что обнаружил позднее в письмах матери, что она не одобряла установки большевиков по вопросам дисциплины, считая «их нетерпимость по отношению к инакомыслящим неприемлемой»⁷. Он утверждает также, что родители вспоминали, как в эмиграции часто жили без средств существования, что они страдали, находясь в вынужденном изгнании, но полагали, что «царизм в России консолидировался», что они будут изгнанниками на всю оставшуюся жизнь, и, желая своему рождённому во Франции сыну избежать собственной участи, «решили, что он, живя во Франции, должен стать французом», поэтому с детства говорили с ним только по-французски. Л. Амон убеждён, что Софья Ароновна считала «своим долгом» пожертвовать родным языком в общении с сыном. Кроме того, воспитывали его вне религий, ибо «рационализм и сциентизм» начала XX века «отвернули родителей от религиозных верований, которые они считали обскурантизмом»⁸. Иными словами, заимствуя определение известного французского историка Ф. Фюре,⁹ родителей Л. Амона на полном основании можно отнести к «романтическим» и «сентиментальным» революционерам из интеллигенции.

Документальные подтверждения этому можно найти в архивных коллекциях во Франции и в России¹⁰. Примечательно, что личные дела Гольденбергов хранятся в РГАСПИ (бывшем архиве Коминтерна) в специальном отделе, содержащем картотеки выдающихся деятелей КПСС¹¹. Дело Я.Р. Гольденберга состоит из Личного листка ответственного работника Наркомздрава, представителя СССР в Германии, подписанного 26 ноября 1924 г. самим Яковом Рафаиловичем, его

⁷ Ibid. P. 15.

⁸ Ibid., p.16.

⁹ Фюре 1998, с. 135.

¹⁰ Будучи приглашённой во Францию выступить 12 декабря 2013 г. с докладом на тему: «Лео Амон в советских архивах» на конференции «Лео Амон. 1908–1993», автор статьи работала над поиском необходимых материалов в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), Архиве внешней политики РФ (АВП МИД РФ). Далее эти архивы будут упоминаться по аббревиатурам. Кроме того, с некоторыми документами удалось ознакомиться в момент передачи личного архива Лео Амона его детьми в Центр истории Института политических наук Парижа (Sciences-po) в 2012 г. Тогда документы не были классифицированы, поэтому ссылаться на них будем так: Архив Sciences-po.

¹¹ Оригиналы документов находятся в филиале этого архива в г. Уфе. Так как в любезно присланных автору ксерокопиях документов из этого филиала нет шифров и нумерации страниц, то ссылка на них будет дана так: РГАСПИ.

партбилета члена ВКП(б), выданного 31 мая 1927 г. и подтверждающего дату вступления в ряды партии в 1925 г., а также одностороннего документа, озаглавленного «Биографические сведения о тов. Гольденберг Я.Р. имеющиеся в Учраспред П'отделе НКЗ» (всё как в справке – Г.К.), поступившего в этот отдел 29 сентября 1926 г. за подписью его заведующего Гродко. В архиве Sciences-ро оказались членские билеты Якова Рафаиловича из СФИО и ФКП, пропуски в Коммунистическую Академию при ЦИК СССР, на заседание II Пленума ЦКК ВКП(б) созыва XVI съезда от 1930 г., на 3 сессию ЦИК 5 созыва от 1930-31 гг., на IV Пленум ЦК ВКП(б) созыва XVI съезда от 1932 г., удостоверение сотрудника Государственной Академии коммунистического хозяйства от 1932 г., грамоты ударника 2-го и 4-го годов второй пятилетки. Здесь же приложена вырезка из газеты «Правда» от 29 сентября 1935 г. с некрологом о Я.Р. Гольденберге, в котором сообщается о его скоропостижной кончине 26 сентября 1935 г. на рабочем месте в Академии коммунального хозяйства (АКХ), где он был заместителем директора.

Сам факт, что центральный печатный орган ВКП(б) откликнулся на смерть Якова Рафаиловича свидетельствует о том, что он состоял на хорошем счету у тогдашнего советского руководства и уже начинавшиеся репрессии его не коснулись.

Ксерокопия досье С.А. Гольденберг, присланная из Уфы, содержит документы, датированные 1938–1940 гг., и примечательна тем, что, наряду с Личным листком по учёту кадров и официальными фотографиями, в нем хранится написанная на пяти страницах автобиография, датированная 24 декабря 1940 г. Московская работа Софьи Ароновны перечислена как в автобиографии, так и – ещё более подробно, по годам и месяцам – в Личном листке и Регистрационном бланке члена ВКП(б). До 1930 г. она была заместителем ответственного редактора «Экономической жизни», затем, до 1932 г., руководила «группой обобщения материалов и подготовкой их в ЦКК НКРКИ, после, до 1935 г. была учёным секретарём Комакадемии, а после трёхмесячной работы в 1936 г. старшим научным консультантом ОГИЗ¹², с того же года и до 1940 г. прошла путь от научного редактора до заведующей отделом всеобщей истории в издательстве «Советская энциклопедия»¹³.

Согласно документам, к революционной борьбе Яков Рафаилович и Софья Ароновна приобщились с молодых лет, практически одновременно и начинали её в руководящих организациях Социал-демократической партии Польши и Литвы (СДПиЛ). Я.Р. Гольденберг родился в Варшаве, национальность в Личном листке значится «русский», социальное происхождение в машинописном варианте – «мещанин», но от

¹² ОГИЗ – Объединение государственных книжно-журнальных издательств при Наркомпросе РСФСР, существовавшее с 1930 по 1949 гг.

¹³ РГАСПИ.

руки при неясной подписи исправлено на «служащий». По образованию он врач, работать по специальности начал с 1902 г. и в тот же год вступил в ряды СДПиЛ, состоял членом Заграничного Комитета партии. В 1906 г. был арестован и привлечён по 102 статье¹⁴. Освобождённый под залог продолжал работать и за неделю до суда скрылся за границу. В документе «Биографические сведения...» дословно сообщается:

«Во время империалистической войны 1914 года был мобилизован как врач, в 1917 году был арестован за большевистскую (здесь и далее подчеркнуто, как в тексте – *Г.К.*) пропаганду среди русских солдат и заключён в крепости в Тулоне, устранившийся от службы, находился в течение 3-х лет под надзором, без права выезда из Франции. За этот период неоднократно подвергался обыскам.

Работал в Компартии Французской, участвуя в нелегальной работе Коминтерна; привлекался в 1921 году по делу Комитета 3-го Интернационала¹⁵ и был выслан из Франции в апреле 1921 г. Приехал в Москву на 3-тий Конгресс Коминтерна.

С сентября 1921 года работал в Берлине по назначению Наркомздрава. Будучи в Германии, принимал участие в нелегальной работе Компартии Французской и по совету некоторых русских товарищей, ввиду характера его работы, не вступал в ячейку нашей партии.

В Берлине за ним был установлен тайный надзор и в марте 1922 года, во время его пребывания в Москве, на квартире тов. Гольденберг произведён был обыск.

По заявлению т. ГОЛЬДЕНБЕРГ (так в тексте – *Г.К.*) он неоднократно обращался за этот период к ответственным работникам нашего полпредства с просьбой привлечь его, помимо официальных занятий, к партийной работе. Предлагал вести работу в кружках сотрудников Полпредства»¹⁶.

Из Личного листка Софьи Ароновны узнаём, что родилась она в Киеве, в семье мещан, по национальности еврейка.

В автобиографии она писала: «Кончив среднее образование (гимназию) в 1898, покинула родительский дом и с 18 л. жила самостоятельным трудом, занимаясь педагогически-литературной работой. В Киеве, Екатеринославе, Бердянске, Варшаве (1898–1901) давала частные уроки (по предметам и музыке) у разных лиц. Одновременно вела пропагандистскую работу среди рабочих и учащейся молодёжи. В 1902 г. вступила в польскую с-д партию. В 1903 г. – член Заграничного бюро ЦК ПСД. Нелегальная работа, перевозка нелегальной литературы, авторское участие в нелегальной печати. В конце 1904 г. – в Варшаве на партийной работе: член Варшав-

¹⁴ По статье 102, согласно Уголовному Уложению Российской империи, осуждали «на ссылку на поселение за подговор на создание сообщества с целью изменить общественный строй России», даже если такое сообщество не было создано. Подробнее см. об этом: Шебалков 2013. № 4. С. 465-469.

¹⁵ В 1921 г. французские коммунисты были обвинены в «заговоре против внутренней безопасности и государства», часть руководителей судили и приговорили к тюремным срокам. Подробнее о процессе см., напр.: Фюре 1998. С. 236; а о перипетиях в СФИО и ФКП и судебных процессах против них: Вершинин 2012.

¹⁶ РГАСПИ.

ского комитета ПСД, руководитель школы отв. пропагандистов, член комитета военно-революционной организации и отв. редактор военно-революционного органа, руководитель кружков железнодорожников, участие в партийной печати. В конце 1906 г. арест, тюремное заключение по ст.102 (каторга), по постановлению парторганизации организован побег, эмигрировала в Краков (3 м.), а затем – в Париж – 1908 г.».

Далее по автобиографии прослеживается, что в 1909 г. С.А. Гольденберг вошла в Заграничное бюро ЦК РСДРП, работала с Н.К. Крупской в женских кружках, сотрудничала с Н.А. Семашко, а после перенесения большевистского центра в Прагу, оставаясь в Париже, работала лектором и пропагандистом во Французской социалистической партии.

«С конца 1918 по 1923 гг. находилась на секретной работе по организации связи с работой Комитета III Интернационала с германской компартией. В связи с коммунистическим процессом во Франции находилась под полицейским надзором, арестована и после недолгого тюремного заключения изгнана из Франции. После конгресса Коминтерна в 1921 г. снова на секретной работе по связям с франц. Компартией; пребывание в Берлине. В 1923 г. после двукратного обыска немецкой полиции оставила работу в Коминтерне и в Москве перешла на работу в газету «Экономическая жизнь», но продолжала жить в Берлине до 1928 г., посылая оттуда корреспонденции в Москву» (РГАСПИ).

Родители Л.Амона как нелегальные агенты Коминтерна скрывались под псевдонимами «Куба» и «Станислава»¹⁷.

Л. Амон в мемуарах рассказывает о семье матери несколько иначе, чем она в автобиографии. Он пишет, что семья матери Слоним была зажиточной благодаря её отцу Арону Исааковичу, почётному гражданину города Новгород-Северский на Украине, что, в свою очередь, предоставляло его детям возможность жить и учиться за пределами «местечек». Поэтому Софья, одиннадцатый ребёнок в семье, смогла получить среднее образование в лицее в Москве, а потом, в 18 лет, «после большого скандала со своими братьями и сёстрами отправилась продолжать учёбу за границу и получила в Берне диплом о высшем образовании по специальности философия»¹⁸. Получается, что, указав в своих анкетных данных на мещанское происхождение, С.А. Гольденберг несколько откорректировала свою биографию, что, впрочем, вполне объяснимо с учётом обстановки в СССР в 1930–1940-е гг.

Есть и ещё один факт в автобиографии Софьи Ароновны, который не находит подтверждения. Она написала, что сын её, Леон Яковлевич Гольденберг, родившийся в 1908 г. в Париже и проживающий там, – «член французской коммунистической партии». Однако нигде никогда не упоминалось о коммунистической принадлежности Лео Амона, а на посвящённой ему конференции в 2013 г., где присутствовали двое из

¹⁷ РГАСПИ, Ф. 517, оп. 1, д. 26, л. 22; также: Архив Sciences-po.

¹⁸ Hamon 1991. P. 13.

его четверых детей и бывшая личный секретарь, этот факт решительно опровергался. Учитывая год написания автобиографии (1940), когда лучше было не иметь «буржуазных» родственников за границей, можно допустить, что заявление о принадлежности Лео Амона к ФКП было сделано его матерью намеренно, ради обеспечения семейной безопасности, так как в автобиографии она сообщает, что в Ленинграде у неё проживают два беспартийных брата: С.А. Слоним (врач) и Д.А. Слоним (юрисконсульт), а в Киеве – сестра М.А. Быховская, вдова проф. Г. Быховского, получающая после его смерти персональную пенсию.

Из воспоминаний Л. Амона видно, что Софья Ароновна оказывала сильное влияние на сына. Она сама дала ему начальное образование, после чего он без труда поступил в колледж. Курьёзный эпизод, описанный Л. Амоном: оказывается, в 8 лет он умел читать, но не умел писать, так как думал: «Мама всегда будет рядом, если мне понадобится о чём-то ей рассказать»¹⁹. О влиянии отца Л. Амон пишет: «он мне привил чувство долга по отношению к обществу, в котором живёшь. Живя во Франции, он не отказался от русской национальности из чувства верности политике своей страны, но и считал себя обязанным защищать землю, принявшую его, поэтому был... из тех редких “оборонцев” большевиков»²⁰, кто поддержал вступление Франции в Первую мировую войну. С теплотой вспоминает Л. Амон о ближайшем друге родителей, как он пишет, «пессимисте, пацифисте и противнике социал-патриотизма», Шарле Раппопрте и о том, как он слушал их беседы с отцом, «мало что тогда понимая»²¹. О революционной деятельности родителей у Л. Амона остались смутные представления²². «Революционное прошлое моих родителей, твёрдая марксистская культура моей матери, знание о дружбе с Розой Люксембург притягивали молодых людей,... большинство из которых были коммунистами, ...верившими в идеалы и абсолютные истины»²³.

Известие об отречении Николая II и Февральской революции в России, по воспоминаниям Л. Амона, родители встретили с необыкновенным восторгом, ибо «мечта их жизни и цель борьбы была достигну-

¹⁹ Hamon 1991. P. 13.

²⁰ Ibid. P. 17.

²¹ Ibid. P. 20. Шарль Раппопорт (1865–1941), натурализовавшийся выходец из России, коминтерновец и один из основателей ФКП, порвавший с ней в 1938 г. из-за того, что партия не осуждала сталинские репрессии.

²² Hamon 1991. P. 26-27 Особо он выделяет Бориса Суварина. Б. Суварин (Лифшиц) (1895–1984) – журналист российско-еврейского происхождения, его родители поселились во Франции после еврейских погромов в Российской империи в начале XX в. Стоял у истоков ФКП, представлял её в Коминтерне, сторонник Троцкого, впоследствии порвал с коммунистической идеологией, посвятив её критике массу публикаций во французской печати. См.: Вершинин 2012. С. 50-183; Фюре 1998. С. 135-144; 567.

²³ Hamon 1991. P. 25.

та». Вернуться в Россию сразу после февраля 1917 г., как это сделали многие политэмигранты, Гольденберги не смогли лишь потому, что отец находился на фронте. После Октябрьской революции, когда возвращение в страну большевиков, говоря словами Л. Амона «оказалось затруднённым», а родители в 1921 г. вынуждены были покинуть Францию и уехать в Берлин, Яков Рафаилович предоставил своему сыну право выбора, и тринадцатилетний Лео «выбрал оставаться французом... и жить во Франции, что бы ни случилось». Родители договорились со своими друзьями польскими эмигрантами Жаном и Жанной Топас о том, что Леон будет жить у них в Париже, и так, по его словам, для него началась новая жизнь, причём, в политическом плане тоже, потому что художник Жан и пианистка Жанна «не были антикоммунистами..., но и никак не откликались на призывы к революции»²⁴.

В архиве Лео Амона сохранилось немало писем родителям от их друзей, где говорится о «нежелательности» подобного раскола семьи, даются советы о том, что «надо поскорее воссоединиться». Сам Лео Амон таким образом объясняет мотивацию родительского решения. Во-первых, задавая вопросом о том, не «пообещали ли себе родители, что сделают всё для того, чтобы их сын не испытал того чувства отрыва от корней, как они, будучи в изгнании», он предположил, что ему, рождённому во Франции, они определили эту страну как родину навсегда и именно поэтому говорили с ним по-французски, пожертвовав своим родным русским языком. Во-вторых, Лео Амон вспоминает о том, как однажды польский историк спросил его о том, не было ли продиктовано решение родителей тем обстоятельством, что они старались уберечь его от надвигающегося революционного насилия, и утверждает, что тогда, в 1921 г., у родителей не было ощущения нарастающей угрозы. Его объяснение таково: «Они выбрали Францию для своего сына просто потому, что их сын выбрал Францию. Они были образцовыми родителями, имевшими достаточно сердечности и здравомыслия для того, чтобы его понять, принять и действовать по обстоятельствам»²⁵. Жить и учиться во Франции Л. Амону во многом помогли средства, оставленные ему по завещанию от деда А.И. Слонима, назначенные специально на его образование. После лицея он поступил на юридический факультет в Парижский университет Сорбонну, где одним из ближайших его друзей стал упоминавшийся выше Рене Капитан.

Хотя, в архиве Лео Амона есть письмо в Российское Генеральное консульство, датированное 1 августа 1924 г., в котором он, Леон Яковлевич Гольденберг, просит выдать ему удостоверение о том, что он «состоит русским гражданином, так как родился 12 января 1908 г. в Париже от русских родителей». Каков был ответ из консульства и был

²⁴ Ibid. P. 31.

²⁵ Ibid. P. 29.

ли вообще – неизвестно. В СССР начинались «чистки», страна «закрывалась» от иностранцев. Софья Ароновна побывала в Париже в 1934 г., погостила в семье Леона 10 месяцев, он попытался задержать её, «насколько можно долго, но, сознательность и долг советской гражданки, так же как и супруги, обзывал её вернуться»²⁶. А спустя месяц умер Яков Рафаилович. СообщиЛ. Амону об этом старый коммунист, соратник отца по ФКП, Жак Садуль. На похороны отца в сентябре 1935 г. Л. Амон смог приехать в Москву, но это был его единственный визит за межвоенный период. В мемуарах он пишет, что после этого предпринимал ещё несколько попыток получить визу в СССР, в т.ч. чтобы побыть с матерью на годовщину смерти отца, но безрезультатно. Сохранилось письмо жены Л. Амона Сюзанны Гольденберг, написанное 25 ноября 1937 г. депутату французского парламента (фамилия его не указана – Г.К.), отправляемому в поездку в Москву, с просьбой хлопотать о том, чтобы Софье Ароновне, которая лежит в Кремлёвской больнице с сердечной болезнью, разрешили переехать во Францию. Причём она пишет, что «делает всё сама, не посвящая мужа, ибо они уже просили визу, но не получили»²⁷. Видно, депутат не сумел помочь Лео и Сюзанне Гольденбергам, так как сын не виделся с матерью до 1946 г., и даже о её болезни в 1935-36 гг. – он узнал «окольными путями». Несмотря на то, что они в годы разлуки переписывались с матерью раз или два в неделю, «осознание того, что она одна, а он ничего не может с этим поделать, вынуждало его страдать морально»²⁸.

Можно лишь догадываться о причинах длительной сердечной болезни матери Амона. Была ли она вызвана скоропостижной смертью мужа, или на здоровье обоих представителей «старой гвардии» большевиков так отразились события в СССР в 1920–1930-х гг.? Якову Рафаиловичу и Софье Ароновне не раз приходилось «отбиваться» перед руководством ВКП(б) от обвинений в их адрес. В РГАСПИ хранится письмо полпреда в Германии Н.Н. Крестинского, отправленное в адрес Н.А. Семашко и Г.К. Орджоникидзе 9 февраля 1929 г. (с просьбой передать это письмо и в Секретариат ЦК), в котором причина задержки возвращения Я.Р. Гольденберга объясняется тем, что он на две недели «остался, чтобы помогать лечиться Енукидзе (тот не говорит по-немецки), и, если Енукидзе понадобится ехать в Бреславль, опять будет его сопровождать»²⁹. Если учесть судьбу А.С. Енукидзе, бывшего секретарём ЦИК СССР до 1935 г. и казнённого в 1937 г. по обвинению «в измене Родине, террористической деятельности и систематическом шпионаже в пользу одного из иностранных государств», как и члена

²⁶ Hamon 1991. P. 64-65.

²⁷ РГАСПИ, Ф.495, оп. 270, д. 5307, л. 3.

²⁸ Hamon 1991. P. 65.

²⁹ РГАСПИ, Ф. 85, оп. 27, д. 424, л. 24.

Политбюро ЦК ВКП(б) с 1930 г. Г.К. Орджоникидзе, застрелившегося, опасаясь репрессий в 1937 г., и самого Н.Н. Крестинского, казненного в 1938 г., то нельзя быть уверенными, что Я.Р. Гольденберг не пострадал бы, проживи он ещё несколько лет.

В начале 1920-х гг. на обоих супругов поступало в разные государственные инстанции несколько доносов. Красноречиво содержание письма Ф.Э. Держинского от 4 января 1922 г. Б. Суварину: «Уважаемый товарищ, до моего сведения дошло, что циркулируют глупые слухи о якобы связях т. Гольденбергов из Парижа с провокатором Грановским³⁰. Считаю моим долгом заявить, что не только отвергаю самым решительным образом подобные нелепые слухи, но могу удостоверить, как представитель ВЧК, что т. Гольденберги ни в малейшей связи и никакого причастия к делу Грановского не имеют»³¹. «Нелепые слухи» о Гольденберге возникали по поводу его членства в ВКП(б). Оправдательные письма его к Н.А. Семашко и Софьи Ароновны к В. Таратуге³² свидетельствуют: Гольденберга обвиняли в том, что он не состоит в рядах партии большевиков, предлагая на этом основании отстранить его от работы в Наркомздраве³³. Он пишет: «Приехал в Москву на 3-й Конгресс КИ и там получил назначение быть представителем НКЗ в Германии. Продолжал участвовать в нелегальной работе ФКП и поэтому по совету некоторых товарищей (т.к. нелегальщик) в РСДРП не вступал... Источником доходов моей семьи в Берлине является мой заработок как сотрудника Наркомздрава и жалование, получаемое в первое время от ФКП, в данный момент от редакции «Экономической жизни». Частной практикой не занимаюсь, и других доходов у меня не было и нет... За моё двухлетнее пребывание в Берлине я ни разу не брал отпуска, наш образ жизни в Берлине известен тем ответственным товарищам, которые приезжали в этот период в Берлин, и в работе своей ближе сталкивались с нами»³⁴. В ещё одном адресованном Семашко письме (25 августа 1925 г.) он поясняет: «Никогда ни идейно, ни программно не отделял себя от партии. Изгнанный из Франции, я вообще первое время был на нелегальном положении в Германии и, как Вам известно, принимал уча-

³⁰ Грановский (Абрамсон) Г.А. был арестован ВЧК 18 октября 1920 г. по подозрению в контрреволюционной деятельности.

³¹ ГАРФ, Ф. 482, оп. 41, д. 769, л. 8.

³² Виктор Константинович Таратуга (1881–1926) – состоял в РСДРП с 1898 г., в 1909–1919 гг. жил в эмиграции во Франции под фамилией Кемерер, с 1917 г. был членом соцпартии (СФИО), в 1919 г. примкнул к Коминтерну, переехал в Москву, где занимал разные государственные должности.

³³ Точных дат у этих писем нет, но другое, более краткое, аналогичного содержания письмо Я.Р. Гольденберга Н.А. Семашко датировано 23 июня 1923 г. (ГАРФ, Ф. 482, оп. 41, д. 769, л. 15).

³⁴ ГАРФ, Ф.482, оп. 41, д.769, л.3. В числе ответственных товарищей названы уже упоминавшиеся Б. Суварин, В. Таратуга, Ш. Раппопорт.

стие в нелегальной партработе по установлению связи с французской компартией. Моя нелегальная работа и временный полицейский надзор служили препятствием для моего зачисления в местную ячейку РКП. В таком положении... я принуждён был откладывать оформление зачисления моего в РКП до приезда в Москву»³⁵. Софья Ароновна тревожится, негодует и ищет справедливости: «Мы узнали через преданных нам товарищей, что во Франции против нас ведут гнусную кампанию, пороча наше имя. Собранный «материал» отослан будто бы в Москву, в Центральную Контрольную Комиссию (здесь и далее подчёркнуто в тексте – Г.К.). Нас никто не опрашивал, мы не знаем, в чём нас обвиняют»... Но против гнусной клеветы мы будем бороться всеми силами, всеми средствами. Об истории с Грановским не пишу. Она хорошо известна Дзержинскому. Его ответ посылаю. До нас дошли слухи, что наш образ жизни в Германии подозрителен (квартира и прочее). Вы, будучи в Германии, видели наш образ жизни... Проживаем мы тем, что зарабатываем, да и весь образ жизни нашей это доказывает... Единственная наша надежда, что в Москве найдутся среди прежних товарищей друзья, которые, зная нас долгие годы, помогут нам выйти из создавшегося трагического положения. Действуйте, товарищ Виктор, энергично. Помогите нам разъяснить всю необоснованность, гнусность этой кампании»³⁶. В письме много места уделено описанию их тесного сотрудничества с эмиссаром Коминтерна в Париже нелегалом Александром Абрамовичем, скрывавшимся тогда под псевдонимом Залевский³⁷.

Тогдашний нарком здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко подержал Гольденбергов и вместе с С. Орджоникидзе содействовал переводу в 1929 г. Якова Рафаиловича на работу в Москву. В одном из рекомендательных писем Семашко писал, что знает Якова Рафаиловича с 1908 г. и что «в деятельности Заграничного бюро социал-демократов Польши его часто заменяла жена «Станислава»»³⁸, а в другом, адресованном в ЦК РКП тов. Кагановичу 17 октября 1923 г., сообщал, что по наведённым им сведениям, «материалов, компрометирующих товарища Гольденберга, требующих немедленного отзыва его как представителя Наркомздрава»³⁹ не имеется. В письме Н.А. Семашко, написанном в 1928 г. неизвестному адресату и озаглавленном «Стиль работы Я.Р. Гольденберга», стиль этот назван «точность» и говорится: «Благо-

³⁵ ГАРФ, Ф.482, оп. 41, д.769, л. 23.

³⁶ Там же, л.12, 13, 14.

³⁷ Александр Емельянович (Шая Зеликович) Абрамович (1888–1974) – советский разведчик-нелегал, был в 1920-е гг. уполномоченным Коминтерна по романским странам и принимал участие в создании ФКП. Другие псевдонимы – Четуев, Абрамович-Четуев, А. Альбрехт, Арно. С 1924 г. занимал партийно-педагогические посты в СССР. В 1947 г. был награждён орденом Ленина.

³⁸ Архив Sciences-po.

³⁹ ГАРФ, Ф.482, оп. 41, д.769, л. 15.

даря его энергии, связь с заграницей всё более расширялась. Когда он в 1928 г. приехал в Москву и стал во главе Бюро Заграничной информации Наркомздрава, стали умножаться случаи приезда иностранных учёных в Москву... Так, в самые тяжёлые годы существования Советской республики, при враждебном окружении её, Я.Р. Гольденберг помогал прорвать блокаду ненависти и рассказать трудящимся всего мира правду о строительстве социализма в нашей стране»⁴⁰.

В архивах хранятся положительные характеристики и других советских партийных работников на Гольденбергов (в т.ч. А. Луначарского)⁴¹. Но даже уже приведённые выше имена тех, с кем связывало их революционное прошлое, свидетельствуют о причастности супругов Гольденбергов к значимым событиям мировой и национальной истории, пусть и не в качестве главных героев. Ведь успеху главных героев, о которых написано немало, во многом содействовала деятельность «рядовых бойцов» революции, о которых или мало известно, или неизвестно вообще. В то же время, изучение их биографий позволяет глубже понять историю нашей страны, а в случае с семьёй Гольденбергов – ещё и историю франко-российских связей.

В документах Гольденбергов дооктябрьского периода хранятся письма Софьи Ароновны К. Каутскому, лидеров польских коммунистов, стоявших у истоков компартии Польши: Ю.Ю. Мархлевского (1866–1925), А. Варского, эмигрировавшего в СССР в 1929 г. и репрессированного в 1937 г. Есть свидетельства о встречах Гольденбергов за границей с В.И. Лениным, с которым они в дооктябрьский период не во всём были согласны и дискутировали с большевиками от имени польских социал-демократов. Среди их соратников были революционеры с самыми разными судьбами. Вспомним имена ставших антикоммунистами французов Б. Суварина и Ш. Раппопорта, представителей «большевистского ядра»: Ф. Держинского, В. Таратуты, не доживших до времени «Большого террора» в СССР, избежавших репрессий Н.А. Семашко, А. Луначарского, А. Абрамовича, а также исчезнувших в горниле кровавых событий А. Енукидзе, С. Орджоникидзе, Н. Крестинского. Думается, к Гольденбергам вполне применимо заключение Ф. Фюре о французских коммунистах Б. Суварине и П. Паскале⁴²: «Поражаешься, как многое они были согласны терпеть: полицейская слежка, проверки на верность ленинизму, задержка паспортов, вскрытие корреспонденции, преследование за любое свободомыслие»⁴³.

Софья Ароновна получила разрешение на выезд к сыну только в 1946 г. и прожила в Париже всего 3 года. В архиве Л. Амона есть чер-

⁴⁰ Архив Sciences-po.

⁴¹ ГАРФ, Ф.482, оп. 41, д.769, л. 22; Архив Sciences-po.

⁴² Подробнее о П. Паскале см.: Бабинцев 2009.

⁴³ Фюре Ф. 1998. С.143.

новик письма матери в МИД СССР от 30 августа 1945 г. с просьбой разрешить ей поездку к сыну в Париж на 2-3 месяца. Сначала она писала: «Мой сын находился во Франции в подполье вплоть до её освобождения от оккупантов. В последний раз приезжал в Москву в 1935 г.», а затем исправила таким образом: «Мой сын – член французского парламента и крупный политический работник, неоднократно бывал для свидания со мной»⁴⁴. Можно лишь предполагать, что сыграло решающую роль в разрешении Софье Ароновне выехать в Париж: тот факт, что происходило всё это в первые годы после окончания Второй мировой войны, когда ещё не разгорелась холодная война, а Франция и лидер Соппротивления, де Голль, подписавший в Москве в декабре 1944 г. со Сталиным договор о дружбе, равно как и его соратники-голлисты, коим был и Лео Амон, пользовались особым уважением у советского руководства, или же учитывались особые заслуги перед ВКП(б) Софьи Ароновны, её возраст (65 лет) и состояние здоровья.

Когда вскоре после начала Второй мировой войны потерпевшая поражение Франция в июне 1940 г. подписала акт о капитуляции с Гитлером, смирившись с оккупацией трети страны на севере, включая Париж, Лео Гольденберг, находившийся в южной неоккупированной зоне в Тулузе, не колеблясь, встал на сторону «символа Соппротивления»⁴⁵ де Голля и начал искать контакты с единомышленниками. Первыми, с кем он познакомился, были: социалист Д. Мейер; основатель партии Народно-республиканское движение (МРП) в 1944 г. П-А. Тэтжен; «исторический» голлист А. Фрэнэ; один из создателей первой группы Соппротивления в северной зоне, в Музее человека, и один из первых расстрелянных нацистами соппротивленцев, эмигрант из Российской империи Б. Вильде⁴⁶. Впоследствии Лео Гольденберг, член группы «Резистанс», перебрался в северную зону, перешёл на нелегальную работу под псевдонимом Лео Амон. В дни Парижского восстания 25 августа 1944 года, он от имени Парижского комитета Освобождения принимал участие в подписании акта о капитуляции немецкого гарнизона и 26 августа участвовал в параде на Елисейских полях, где французы и французженки торжественно встречали «своего спасителя» де Голля.

Почему после освобождения Франции Лео Гольденберг предпочёл остаться Лео Амоном, в мемуарах он объясняет так: «Многие борцы Соппротивления хотели как-то увековечить свои псевдонимы героических времён и, воспользовавшись специальным декретом Временного правительства, либо вообще заменяли ими прежнюю фамилию, как, например, это сделали генерал Леклерк, урождённый Отклок, Жан Марэн, урождённый Морван, либо добавляли псевдоним к прежней

⁴⁴ Архив Sciences-po.

⁴⁵ Намон 1991. Р. 94.

⁴⁶ Подробнее о Соппротивлении во Франции см.: Смирнов 1974.

фамилии, как поступил, в частности, премьер-министр правительства Ж. Помпиду Ж. Шабан-Дельмас, урождённый Шабан»⁴⁷. Лео Гольденберг избрал для себя первый вариант, и дети его носят фамилию Амон.

Когда Франция перешла на мирные рельсы и занялась восстановлением республиканского строя, Л. Амон не поддержал призыв коммунистов о возрождении Национального фронта, вынашивая надежду на образование голлистской партии Сопrotивления во главе с де Голлем. Он был в составе делегации, обратившейся к де Голлю в апреле 1945 г. с предложением такую партию создать, но генерал ответил отказом. А когда в июле 1946 г., в ходе подготовки ко второму референдуму по Конституции будущей Четвёртой республики (1946–1958) Р. Капитан создал Голлистский союз, Амон безоговорочно вступил в его ряды. После неудачных для Союза результатов парламентских выборов в ноябре 1946 г., повлёкших за собой его распад, Амон вошёл в другую партию бывших соратников де Голля по Сопrotивлению – МРП, стоявшую на антикоммунистических позициях. От МРП в 1946 г. Лео Амон был избран сенатором Четвёртой республики. А из этой партии в 1954 г. он был исключён за то, что нарушил партийную дисциплину и голосовал против Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), или «европейской армии», предполагавшего создание и включение туда западно-германских воинских частей. В 1955 г. Л. Амон вступил в партию Молодая республика, объединявшую всех независимых левых⁴⁸. Таким образом, втянувшись в политическую жизнь Франции как голлист, Лео Амон сохранял верность левым убеждениям, но вне ФКП.

В 1958 г., когда после кризиса и падения Четвёртой республики де Голль вернулся к власти, создав нынешнюю, Пятую республику, Амон горячо приветствовал это событие. В апреле 1959 г. он вместе с Р. Капитаном, Л. Валлоном и Ж. Грандвалем создал объединение левых голлистов «Демократический союз труда» (ЮДТ – от французской аббревиатуры – *Г.К.*) и вошёл в редакционную коллегию журнала Союза «Наша Республика» (*Notre République*). После образования в Пятой республике новой голлистской партии Союз в защиту республики (ЮДР – *Г.К.*) ЮДТ примкнул к ней, образовав внутри неё «левое крыло». В 1967 г. Лео Амон вошёл в исполнительный комитет ЮДР, но в то же время, «оставаясь верным своим прогрессистским убеждениям,

⁴⁷ Hamon 1991. P. 219-220.

⁴⁸ Эта партия, официально созданная в 1936 г., возникла на основе Лиги молодой республики, существовавшей во Франции с 1912 г., имела социалистическую направленность, но к партии ФСП, созданной в 1971 г. Ф. Миттераном, присоединяться не желала и в 1985 г. без официального объявления прекратила существование. В разные периоды её членами были Аббат Пьер, левый голлист, боец Сопrotивления Ш. д'Арагон, социалист Ж. Делор, впоследствии Председатель Европейской Комиссии (КЕС) в 1984–1994 гг., коммунист А. Ле Порс, будущий министр социалистического правительства Ф. Миттерана в 1981–1984 гг. и др.

создал Современный Университет – место собраний интеллектуалов, защищавших голлизм, оставаясь вне партии»⁴⁹.

Если в годы президентства де Голля (1959–1969) левые голлисты довольствовались в реализации «ассоциации труда и капитала» скромной «поправкой Л. Валлона» о софинансировании заработной платы трудящихся предпринимателями, одобренной парламентом в 1967 г.⁵⁰, то с избранием президентом Помпиду (1969–1974) и назначением премьер-министром Шабан-Дельмаса, предложившего французам реформаторскую программу «нового общества», основанного на социальном партнёрстве, во многом созвучную идеям левых голлистов, перед ними открывались широкие перспективы. Для Л. Амона президентство Помпиду ознаменовалось вхождением в правительство. Он занимал посты генерального секретаря, спикера правительства Ж. Шабан-Дельмаса, министра информации, в мае 1972 г. был назначен ответственным за разработку программы «участия и софинансирования», в частности, выдвинул предложение назначать директоров предприятий⁵¹. Однако левый голлизм не выдержал испытания временем, и уже с прихода к власти Помпиду между его лидерами проявились острые разногласия. Во-первых, с резкой критикой Ж. Помпиду за «предательство» идеалов де Голля выступил Р. Капитан, отказавшись участвовать в его правительстве. Во-вторых, с обличительным памфлетом «Анти-де Голль» против Помпиду выступил Валлон, за что был исключён из ЮДР. Сами левые голлисты по отношению к демаршу Валлона разделились. Те, кто поддержал его, остались во главе с Ж. Грандвалем в ЮДГ, но дистанцировались от ЮДР. Осудившие Л. Валлона, среди которых был Амон вместе с И. Моранда и Ф. Дешартом, активно включились в работу правительства Помпиду и образовали новое объединение: «Движение за социализм и участие»⁵². В дальнейшем верность Амона «историческому голлизму» и левым идеям проявилась в том, что он не поддерживал Ж. Ширака и не участвовал в созданной им в 1976 г. неоголлистской партии Объединение в поддержку Республики (ОПР), считая, что партия «узурпирована правыми»⁵³, а в 1981 г. на президентских выборах голосовал за социалиста Ф. Миттерана.

Важное место в деятельности Амона занимали вопросы борьбы за мир, коллективную безопасность в Европе, диалог стран Запада и Востока, в котором видное место отводилось укреплению франко-советских связей. Активность Амона учитывалась советским руководством. Например, в МИД СССР поступило немало справок о его выступлении

⁴⁹ Dictionnaire De Guaulle. P. 595.

⁵⁰ Подробнее об этом см.: Casanova 1967.

⁵¹ Новиков 1984. С.114.

⁵² Berstein S. Histoire du guaullisme... P. 372.

⁵³ Новиков 1984. С. 254.

ях в прессе, в партии МРП, в парламенте против ЕОС и Парижских соглашений, которые привели к созданию армии в ФРГ и её вхождению в НАТО⁵⁴. Не осталось без внимания голосование Амона в парламенте против ЕОС 30 августа 1954 г., когда Франция «похоронила европейскую армию», и исключение его за это из МРП⁵⁵. В правящих кругах СССР обращали внимание и на заявления Амона по вопросам коллективной безопасности в Европе и борьбе за мир, в частности, о необходимости созыва конференции четырёх – СССР, США, Франции Великобритании – для предварительного обсуждения германского вопроса накануне голосования по ЕОС и Парижским соглашениям⁵⁶. В архивных документах Амон характеризовался как «твёрдый сторонник переговоров между Востоком и Западом»⁵⁷. В его личном деле в РГАСПИ хранится подборка газетных вырезок из «Правды» и «Монд» с текстами его выступлений с мирными инициативами и по вопросам разоружения в 1950-е – начале 1960-х гг.⁵⁸ Учитывая, что это были годы самой жёсткой конфронтации между Востоком и Западом, позицию Амона в этом контексте нельзя определённо считать прозападной или проамериканской. В то же время, не осталась незамеченной и его критика в адрес СССР в связи с аннулированием в одностороннем порядке 10 мая 1955 г. советско-французского договора о дружбе 1944 г., последовавшем за ратификацией Францией в конце 1954 г. Парижских соглашений. Этот демарш он назвал «тактической ошибкой СССР»⁵⁹.

Буквально накануне аннулирования, 7 мая 1955 г. Л. Амон посетил СССР с делегацией участников Сопrotивления. Сам по себе визит был знаковым, так как проходил в то время, когда на официальном уровне, между французским и советским правительствами дело шло к разрыву договора о дружбе. Поэтому к визиту французов в СССР было приковано пристальное внимание⁶⁰. В отчёте о пребывании французских гостей, Амонu отведено места больше, чем другим приглашённым:

«Самым активным членом делегации являлся сенатор Л. Амон. Журналист и профессор, связан с газетами «Комба» и «Монд». Парламентский докладчик в Комиссии по иностранным делам французского Сената. Ранее состоял в партии МРП, из которой был исключен за выступления против

⁵⁴ АВП МИД РФ, Ф. 0595, № 688, оп. 5, д. 311, л. 11; № 708, оп. 12, д. 48, л. 124; № 749, оп. 48, д. 340, л. 182; № 428, оп. 3, д. 213, л. 6, 32, 47; Ф. 0136, № 21, оп. 42, д. 248, л. 182, № 56, оп. 43, д. 254, л. 136, № 3 оп. 44, д. 262, л. 38, 47, 56, 96.

⁵⁵ Там же, № 428, оп. 3, д. 213, л. 75, 77, 96.

⁵⁶ Там же, № 688, оп. 5, д. 310, л. 52; 749, оп. 48, д. 340, л. 447.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 270, д. 420, л. 11.

⁵⁸ Там же, л. 1-11.

⁵⁹ АВП МИД РФ, Ф. 0595, № 457, оп. 3, д. 226, л. 350; РГАСПИ, Ф. 495, оп. 270, д. 420, л. 10.

⁶⁰ АВП МИД РФ, Ф. 0136, № 268, оп. 45, д. 821, л. 33-39; ГАРФ, Ф. 5283, оп. 22, д. 508, л. 134-147, 152-153, 175; РГНИ Ф. 3, оп. 21, д. 23, л. 16; РГАСПИ Ф. 495, оп. 270, д. 420, л. 9.

Парижских соглашений и голосования против их ратификации. Во время пребывания в Москве он довольно часто уходил один в город, подходил на улице к советским людям и заводил с ними разговор (он знает русский язык). Даже когда он был вместе со всей делегацией, он старался отходить от неё и вступал в разговор с кем-либо из советских людей, расспрашивая их о жизни, о заработной плате, о ценах на продукты и промтовары. За время своего пребывания в Москве он успел увидеть и узнать в несколько раз больше, чем любой другой член делегации. Внешне Амон вёл себя вполне лояльно. Он первый выступил по радио для Франции и заявил о получении полного удовлетворения от пребывания в Москве. Во всех своих выступлениях и беседах высказывал мысль о необходимости установления прочных франко-советских отношений и считает, что только совместные решительные действия могут помешать вооружению Германии. При этом он ссылался на примеры истории. Говоря о своих замечаниях о пребывании в Москве, Л. Амон заявил, что сейчас в Москве иностранцам стало легче. «Они, – заявил он, – имеют больше свободы, чем раньше. Раньше, когда иностранцы приезжали в Москву, они попадали в Интурист и до самого отъезда не сходили с тех рельсов, на которые их поставил Интурист. Сейчас – другое дело – иностранец может свободно ходить по Москве без сопровождающих один». Говоря об атмосфере недоверия в международной политике, Амон заявил, что «в Советском Союзе руководители и граждане слишком прямолинейны. Они не учитывают психологию наших руководителей, часто называют их разными кличками, сравнивают их с американцами. А ведь мы не американцы, и это сравнение с ними глубоко оскорбительно для нас, французов». Он первый указал на отсутствие в Музее Советской Армии экспонатов об экспедиции Нормандия-Неман. В беседе с заместителем министра культуры Твердохлебовым Амон заявил, что в Советском Союзе, как ему кажется, нарушена старая хорошая традиция в отношении французского языка, который занимает сейчас вместо первого третье место (после английского и немецкого). То же самое он сказал в отношении распространения в СССР современной французской литературы. В СССР часто, по его мнению, переводятся французские журналисты и называются известными писателями, а о таких, как Мориак, Сартр, Симона де Бовуар в СССР ничего не известно, тогда как именно они, по словам Амона, представляют современную литературу Франции. Амон высказал удивление, что в Москве он не видел в продаже иностранные издания, если не считать издания стран народной демократии. Когда Амону ответили, что русский язык во Франции был и остаётся сейчас на последнем месте, а продажа советской периодики там запрещена, он не стал возражать, полностью признав эти факты, объяснив, что всё это происходит от недоверия, которое продолжает иметь место в отношениях между нашими странами. «Я хочу попытаться, – сказал Амон, – рассеять это недоверие. По прибытии во Францию, я буду докладывать о своей поездке Р. Коти, Э. Фору, Э. Эррио⁶¹. Я сделаю сообщение об этом на заседании комиссии по иностранным делам в Сенате. Главное, я намерен опубликовать серию статей в «Комба» или «Монд» о том, что я видел в СССР. Этот репортаж будет иметь приблизительно следующее название: «О серьёзном поговорим серьёзно».

⁶¹ В то время соответственно: президент Франции, премьер-министр и председатель палаты депутатов парламента.

ёзно». Покидая Москву, Амон высказал мнение, которое он представляет как мнение всей делегации, что их поездка в Москву была очень полезна, все члены делегации очень довольны всем и благодарят за приём, оказанный им советскими людьми. Что касается лично его, то он получил всё, что хотел получить, и за это он благодарил советских людей, которые «беседовали с ним не как с иностранцем, а как с другом»⁶².

В приведенных высказываниях Амона нельзя не уловить той голлистской тональности по вопросам внешней политики, с которой де Голль как критик выступал, будучи не у власти в Четвёртой республике, и которая легла в основу его внешнеполитического курса, когда он стал президентом Пятой. Доктрина голлизма периода холодной войны основывалась на идее национальной независимости Франции, посредничества между Востоком и Западом и сближения с СССР. Неслучайно в мае 1969 г. руководство ЮДР поручило Амону «объяснить парламентариям этой партии решение, принятое генералом Де Голлем о выходе из НАТО и необходимости новой политики в отношении СССР»⁶³.

Стремление способствовать укреплению франко-советских связей привело Амона уже в Четвёртой республике к участию в таких организациях, как Франко-советская парламентская группа Национального Собрания и Совета Республики и Ассоциация Франция-СССР. Первая возникла в 1955 г. во главе с социалистом Ги Дессоно, Амон был среди инициаторов ее создания и возглавлял там законодательную комиссию. Ассоциация Франция-СССР была основана в Алжире в 1943 г. как продолжательница дела довоенной Ассоциации друзей Советского Союза, существовавшей во Франции с 1928 г. Около 40% её членов⁶⁴ составляли коммунисты, но было немало людей, просто симпатизировавших СССР. Уполномоченный по ВОКС⁶⁵ в посольстве СССР во Франции В.С. Володин сообщал в МИД в 1957 г., что в «обществе влилась значительная часть беспартийных лиц, бывших членов РПФ»⁶⁶. В справке из бывших голлистов названы Р. Капитан и А. Шмиттлейн, но Амон тоже был среди них. В 1962 г. он вошёл в состав Президиума Ассоциации и редколлегии её журнала «Франция-СССР». Советское руководство считало, что «участие некоммунистов... имеет немаловажное значение для престижа общества в голлистских кругах. Это создаёт известную кредитоспособную основу для общества, способствует поддержанию его «плюрализма»⁶⁷. Как сказал Ю.И. Рубинский, «Лео Амон был для Об-

⁶² ГАРФ, Ф. 5283, оп. 22, д. 508, л. 143-145.

⁶³ ГАРФ, Ф. 9576, оп. 20, д. 2265, л. 4.

⁶⁴ См.: Там же, д. 1892, л. 7.

⁶⁵ В 1957 г. ВОКС сменила название на Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами – ССОД.

⁶⁶ ГАРФ, Ф. 5283, оп. 22, д. 570, л. 150.

⁶⁷ ГАРФ, Ф. 9576, оп. 20, д. 4251, л. 101-102; АВП МИД РФ, Ф. 0136, № 76, оп. 29, д. 204, л. 37.

щества и компартии в определенном смысле находкой. Соответственно, и для Советского Союза... Амон прекрасно понимал все недостатки и пороки советского режима, не был коммунистом, но его решение играть какую-то роль в деятельности Ассоциации имело обязательным условием иметь критическую позицию. Критическую, которая раздражала коммунистов и, естественно, Москву. Критическую по поводу тех или иных скандалов, которые возникали в СССР в глазах французского общественного мнения... И, тем не менее, с этим мирились в Ассоциации, считая, что его присутствие даёт больше пользы в таком ключе, а может, даже и особенно в этом ключе». Рассуждая о том, почему Амон вступил в Ассоциацию, Ю.И. Рубинский полагает: «В значительной мере из-за своих, можно сказать, наследственных и личных убеждений. Поскольку человек был левый. И СССР тогда ассоциировался с Соппротивлением, голлизмом. Ясно видя проблему внутренней политики Советского Союза, он считал полезным и необходимым диалог в рамках Ассоциации... Он готов был спорить по тем вопросам, которые ему не нравились в советской политике, он это делал... Главное в оценке деятельности Амона, с нашей точки зрения, – почему он был другом Советского Союза, старался ему содействовать? Первое: из-за происхождения – отчасти. Второе: взглядов – левых. Тоже важно. Третье: патриотизм для французов голлистского типа в отношении СССР. Какой бы он ни был в годы холодной войны, всё равно с ним нужно было иметь дело, ибо это условие независимости Франции. Для Амона было аксиомой, что развитие отношений и диалог с Советским Союзом при том, что у Франции есть общие интересы и ценности с Западом, нужен для того, чтобы отстоять свои интересы и свою независимость. И этот тезис самого де Голля органично был присущ Амону» [архив автора]. Л. Амон неоднократно посещал СССР в рамках форумов, организовывавшихся либо межпарламентской группой, либо Ассоциацией. Он часто по разным поводам контактировал с Посольством СССР во Франции, где считались с его мнением. Ю. Дубинин, бывший советником посольства СССР во Франции в дни майского кризиса 1968 г., вспоминает: «28 мая мой хороший знакомый – член руководства правящей деголлевской партии Лео Амон... срочно пригласил меня на завтрак. Тема – события. Он даёт хорошо продуманный анализ обстановки с чёткими выводами»⁶⁸.

Во второй половине 1970-х, когда в Советском Союзе начались преследования и аресты инакомыслящих, Л. Амон выступил с резкой критикой нарушения прав человека, вступил в конфликт с руководством Ассоциации Франция–СССР после того, как ему было отказано в публикации в журнале «Франция–СССР» статьи обличающего характера в адрес советского правительства по этому поводу, и вышел из

⁶⁸ Дубинин 1997. С. 161-163.

правления Ассоциации, но с самой организацией не порвал⁶⁹. Подчёркивая, что в Ассоциацию Франция–СССР его привело то, что он всегда придавал большое значение развитию связей между двумя странами, «к тому же был очень рад в момент, когда коммунисты были в изоляции во Франции, найти площадку для встреч с ними»⁷⁰, Л. Амон говорил: «Мы оказали бы услугу СССР, если бы выражали публично то, в чём мы его упрекаем, так как только друг может показать Советскому Союзу тот вред, который ему причиняют некоторые его действия»⁷¹.

Подводя итог семейной истории Лео Амона, не будем строить умозаключения о том, какую роль его русские корни сыграли в дружеском отношении к СССР. К тому же прямых указаний на этот счёт нет. Вместе с тем, бесспорно то, что, как метко определил Ю.И. Рубинский, «такие люди, как Амон, препятствовали превращению холодной войны уже чуть ли не в горячую. Их деятельность... в целом была позитивной. Его деятельность была неслучайной, она была связана с его происхождением, Соппротивлением, социальными ценностями голлизма»⁷².

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арзаканян М.Ц. Де Голль и голлисты на пути к власти. М., Наука, 1990. 274 с.
Арзаканян М.Ц. Генерал де Голль на пути к власти. М., 2001, Прогресс-Традиция. 261 с.
Арзаканян М.Ц. Де Голль. М., Молодая гвардия, 2007. 268 с.
Арзаканян М.Ц. Великий де Голль. Франция – это Я! М., Яуза ЭКСМО, 2012. 512 с.
Бабинцев В.А. Пьер Паскаль: левая траектория французского консерватизма // Французский ежегодник. 2009. М., 2009. С. 208-220.
Вершинин А.А. Мировая революция под звуки «Марсельезы». 1919-1923 гг. К истокам французского коммунистического движения. М., ЛИБРОКОМ, 2012. 200 с.
Дубинин Ю. Дипломатическая бль. М., РОССПЭН, 1997, 328 с.
Новиков Г.Н. Голлизм после де Голля. Идеиная и социально-политическая эволюция. 1969-1981 гг. М., 1984, Наука. 279 с.
Смирнов В.П. Движение Соппротивления во Франции в годы Второй мировой войны. М., Мысль, 1974. 324 с.
Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., Ad Marginem, 1998. 639 с.
Черкасов П.П. Левые голлисты в современной Франции (конец 50-х – середина 70-х гг.) // Новая и новейшая история. Межвузовский научный сборник. Саратов, 1978. № 4. С. 89-107.
Шебалков С.В. Специфика политических преступлений в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. и система наказаний за их совершение // Молодой учёный. 2013. № 4. С. 465-469.
Berstein S. Histoire du gaullisme. P., Perrin, 1999. 569 p.
Berstein S., Milza P. Histoire de la France au XX-e siècle. 1995. Bruxelles, Complexe. 1407 p.
Dictionnaire De Gaulle / s.l.d. C.Andrieu, Ph.Braud, G. Piketty. P., Robert Laffon. 1265 p.

⁶⁹ В ГАРФ хранится масса справок из Советского Посольства в Париже и от руководства ССОД в Париж по поводу конфликта, разразившегося в Ассоциации Франция–СССР после выступлений Л. Амона с осуждением нарушения прав в СССР. См.: Ф. 9576, оп. 20, д. 1488, л. 76-78, 155; д. 1082, л. 32-37; д. 1083, л. 33; д. 2265, л. 4, 8-9, 148-149.

⁷⁰ ГАРФ, Ф. 9576, оп. 20, д. 1894, л. 144.

⁷¹ ГАРФ, Ф. 9576, оп. 20, д. 2265, л. 9.

⁷² Архив автора.

- Casanova J-C. L'Amendement Vallon // Revue française de science politique. 1967, vol. 17, №1, с.97-109.
- Charbonnel J. Á la gauche du Général. P., 1996. 298 p.
- Hamon L. Vivre ses choix. P., Plon, 1991, 312 p.
- Sigoda P. Charle de Gaulle et le gaullisme de gauche // Espoir, 1983, № 42, p. 29-33.

REFERENCES

- Arzakanyan M.Ts. De Goll' i gollisty na puti k vlasti. M., Nauka, 1990. 274 s.
- Arzakanyan M.Ts. General de Goll' na puti k vlasti. M., 2001, Progress-Traditsiya. 261 s.
- Arzakanyan M.Ts. De Goll'. M., Molodaya gvardiya, 2007. 268 s.
- Arzakanyan M.Ts. Velikii de Goll'. Frantsiya – eto Ya! M., Yauza EKSMO, 2012. 512 s.
- Babintsev V.A. P'er Paskal': levaya traektoriya frantsuzskogo konservatizma // Fran-tsujskii ezhegodnik. 2009. M., 2009. S. 208-220.
- Vershinin A.A. Mirovaya revolyutsiya pod zvuki «Marsel'ezy». 1919-1923 gg. K isto-kam frantsuzskogo kommunisticheskogo dvizheniya. M., LIBROKOM, 2012. 200 s.
- Dubinin Yu. Diplomaticheskaya byl'. M., Rosspen, 1997, 328 s.
- Novikov G.N. Gollizm posle de Gollya. Ideinaya i sotsial'no-politicheskaya evolyutsiya. 1969-1981 gg. M., 1984, Nauka. 279 s.
- Smirnov V.P. Dvizhenie Soprotivleniya vo Frantsii v gody Vtoroi mirovoi voyny. M., Mysl', 1974. 324 s.
- Fyure F. Proshloe odnoi illyuzii. M., Ad Marginem, 1998. 639 s.
- Cherkasov P.P. Levye gollisty v sovremennoi Frantsii (konets 50-kh – seredina 70-kh gg.) // Novaya i noveishaya istoriya. Mezhevuzovskii nauchnyi sbornik. Saratov, 1978. № 4. S. 89-107.
- Shebalkov S.V. Spetsifika politicheskikh prestuplenii v Rossiiskoi imperii v kon-tse XIX - nachale XX vv. i sistema nakazanii za ikh sovershenie // Molodoi uchenyi. 2013. № 4. С. 465-469.
- Berstein S. Histoire du gaullisme. P., Perrin, 1999. 569 p.
- Berstein S., Milza P. Histoire de la France au XX-e siècle. 1995. Bruxelles, Complexe. 1407 p.
- Dictionnaire De Guaulle / s.l.d. C.Andrieu, Ph.Braud, G. Piketty. P., Robert Laffon. 1265 p.
- Casanova J-C. L'Amendement Vallon // Revue française de science politique. 1967, vol. 17, №1, p. 97-109.
- Charbonnel J. Á la gauche du Général. P., 1996. 298 p.
- Hamon L. Vivre ses choix. P., Plon, 1991, 312 p.
- Sigoda P. Charle de Guaulle et le gaullisme de gauche // Espoir, 1983, № 42, p. 29-33.

Канинская Галина Николаевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, kaninsk6@mail.ru

The Russian Past of a left Gaullist: Leo Amon (1908–1993)

A lot is known and written about the history of relations between our country and France in different historical periods. However, this research field is by no means exhausted, in particular with regard to the interweaving of family lives. So far facts that are little known or completely unknown could often be found in the personal memory or the family archives. Such facts could be fitted in a surprising way in to the history of Soviet-French relations, in their own way enriching our understanding of the "special sensitivity". Family history of Leo Hamon is a good example of that, as well as have interest from the point of view a private or everyday story – the current trends of contemporary historical knowledge.

Keywords: socialist ideals, the historic Gaullism, left Gaullism, identity, patriotism, Soviet-French relations, inter-cultural dialogue

Galina Kaninskaia, Dr.Sc. (History), Professor, Head of the Department of World History, Yaroslavl' State University named by P.G. Demidov; kaninsk6@mail.ru